

УДК 347.93

ФИКТИВНОСТЬ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА: КОНСТИТУИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ И МЕХАНИЗМЫ ЗАПРЕТА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ ПРАВАМИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Е. С. Трезубов, Н. С. Щеглова

FICTITIOUSNESS OF CIVIL PROCEDURE: CONSTITUTIVE SIGNS AND MECHANISMS OF PROHIBITING ABUSE OF PROCEDURAL RIGHTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

E. S. Trezubov, N. S. Shcheglova

В настоящей статье авторы анализируют действующее гражданское и арбитражное процессуальное законодательство России на предмет регулирования категории злоупотребления правом. В рамках анализа дается самостоятельное понятие «злоупотребление процессуальными правами», а также раскрываются признаки фиктивного гражданского процесса.

The authors analyze the current Russian legislation for civil and arbitration procedure the regulating the category of abuse of rights. The analysis provides an independent concept of "abuse of procedural rights", and through it reveals the features of fictitious civil procedure.

Ключевые слова: злоупотребление правом, недобросовестность лиц, участвующих в деле, фиктивный гражданский процесс, компенсация за потерю времени, возложение судебных расходов.

Keywords: abuse of rights, unconscionability of people participating in case, fictitious civil procedure, compensation for loss of time, imposing court costs.

Частью 1 ст. 35 ГПК РФ закреплено общее положение, согласно которому, лица, участвующие в деле, должны добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами. Между тем, само закрепление начала добросовестности в процессуальном законе остается лишь на уровне своего рода принципа, не развиваясь достаточно подробно в отдельных положениях нормативного акта. ГПК РФ не закрепляет общих последствий злоупотребления процессуальными правами, а АПК РФ в ч. 1 ст. 41 закрепляет положение, в соответствии с которым злоупотребление процессуальными правами влечет для лиц, участвующих в деле, неблагоприятные последствия.

Судебная защита нарушенных прав и законных интересов есть функция государства, реализация которой осуществляется, в том числе, и посредством гражданского процесса. На начальном этапе обращения заинтересованного лица в компетентный юрисдикционный орган ему не может быть отказано в защите при соблюдении формальных процессуальных требований, т. к. в подавляющем большинстве случаев материальное право на иск, в отличие от процессуального, может быть выяснено лишь после рассмотрения дела по существу. Предрешение же вопроса о наличии материальных предпосылок обращения в суд на стадии возбуждения дела означало бы ограничение конституционного права на доступность правосудия. Между тем, сама доступность правосудия на практике ставит вопрос появления злоупотребления процессуальным правом.

В ст. 17 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года [5] злоупотребление правом определяется как деятельность или действия, направленные на упразднение прав и свобод, признанных в Конвенции, или на их ограничение в большей мере, чем это предусматривается в Конвенции. Последствия подачи индивидуальной жалобы в Европейский Суд по правам человека при злоупотреблении правом на

подачу жалобы предусмотрены в ст. 35 Конвенции, и заключаются в признании такой жалобы неприемлемой.

Проблема злоупотребления процессуальными правами со стороны участников гражданских споров в настоящее время имеет особую значимость в связи с тем, что нередко лица, участвующие в деле, в целях неосновательного получения необходимого решения суда, затягивания процесса либо для иных недобросовестных целей используют принадлежащие им процессуальные права в противоречии с их действительным назначением. Данное явление выступает фактором, дестабилизирующим правосудие и создающим серьезные препятствия для эффективного разрешения споров. Е. В. Васьковский также отмечал «почвой» злоупотребления процессуальными правами ничем не ограниченную возможность возбуждения и ведения гражданских дел, а в качестве примеров недобросовестного поведения указывал предъявление заведомо неосновательных исков при условии осведомленности об отсутствии у ответчика опровергающих искомые требования доказательств, обжалование судебных решений при полном сознании их правильности, возбуждение бесцельных ходатайств лишь для провокации процесса [3, § 59] и т. д.

Под злоупотреблением правом, как материальным, так и процессуальным, Европейский Суд по правам человека в своей практике понимает такое его использование, которое направлено на борьбу с заложенным в нем же позитивным регулятивным потенциалом, в том числе, противоречащее принципу правовой определенности [15, § 36; 17, § 44; 18, § 36]. Важно, что недопустимо смешение категорий злоупотребления процессуальным правом и реализация процессуальных прав. Так, в ряде случаев, тот же ЕСПЧ, указывал в своих постановлениях, что заявление ходатайств об отложении судебных заседаний на длительные сроки по причине болезни стороны, не-

однократное изменение заявленных требований, сами по себе не свидетельствуют о злоупотреблении [14, § 56; 16, § 29; 19, § 50; 20, § 38].

Как было указано, отечественный процессуальный закон не раскрывает понятия «злоупотребление процессуальным правом», в связи с чем для формирования представления о данном термине, необходимо проанализировать положения иных отраслей права. Так, согласно конституционному принципу, закрепленному в ч. 3 ст. 17 Конституции РФ, осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц. Дальнейшее развитие данная норма получила в ст. 10 ГК РФ, закрепившей аналог немецкой шиканы, – злоупотребления правом, состоящего в использовании своего субъективного права, с целью причинить вред иному лицу. Пунктом 2 ст. 10 ГК РФ (в редакции, действовавшей на 1.01.2013 года) установлено и последствие такого злоупотребления: суд, арбитражный суд или третейский суд может отказать лицу в защите принадлежащего ему права. В последнее время установление факта злоупотребления правом все чаще становится основанием для отказа в удовлетворении заявленных требований, примером чему могут служить руководящие разъяснения Пленума и Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ и Верховного Суда РФ [26; 27; 28; 29]. Федеральный закон от 30.12.2012 года № 302-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» [7] дает более развернутое представление о злоупотреблении правом – осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав.

Между тем, простое заимствование положений ст. 10 ГК РФ в рамках гражданских процессуальных отношений невозможно, в связи с существенным различием между материальными и процессуальными отношениями, составляющими предмет гражданского и гражданского процессуального права соответственно. В материальном праве для определения действий лица как злоупотребление правом необходимо наличие самого права, которым злоупотребляют [29, п. 2]. В процессуальном праве же в силу ст. 3 ГПК РФ любое заинтересованное лицо обладает правом на обращение в суд вне зависимости от того, может оно доказать или нет тот факт, что его право либо законный интерес нарушены, данное положение основано на ст. 46 Конституции РФ, согласно которой каждому гарантируется право на судебную защиту. Следовательно, в гражданском процессе для квалификации злоупотребления правом не требуется проверять наличие самого права, поскольку оно презюмируется, неотъемлемо от гражданской процессуальной правоспособности.

Целью осуществления правосудия по гражданским делам является защита нарушенного или оспариваемого права, а также законного интереса заявителя. Следовательно, злоупотребление процессуальными правами, так или иначе, должно быть направлено на воспрепятствование реализации механизма защиты. При этом под субъектами, которые могут злоупотребить своими процессуальными правами,

мы усматриваем не только лиц, участвующих в деле, но и иных участников процесса, т. к. в силу закона каждый из них наделен процессуальными правами и обязанностями в той или иной степени, и, как следствие, может влиять на ход самого производства. Формы реализации при этом могут быть выражены путем срыва судебного заседания, неосновательного затягивания судебного процесса, воспрепятствования рассмотрению дела, в том числе путем непредставления доказательств, либо предоставления ненадлежащих доказательств по делу, безосновательного обжалования судебного постановления, а также иными путями, влекущими за собой воспрепятствование принятию законного и обоснованного решения, его исполнению. Нередко злоупотребление процессуальными правами вытекает из нарочито неверной трактовки принципов гражданского процесса, таких как принципа состязательности и диспозитивности.

Так, зачастую принцип состязательности раскрывается через допустимость любых процессуальных приемов, приводящих к необходимому результату, или любого процессуального поведения, однако данный принцип должен, в первую очередь, обеспечивать реализацию законных и обоснованных интересов всех лиц, участвующих в деле. А. В. Юдин также отмечает, что для отождествления принципа диспозитивности и ничем не ограниченной свободы реализации процессуальных прав отсутствуют основания. По своему значению принцип диспозитивности не является абсолютным, поэтому он не может служить оправданием произвольному осуществлению процессуальных прав, не связанных с целью реальной защиты прав субъекта. Свобода распоряжения процессуальными средствами защиты ограничена, прежде всего, требованиями закона и интересами других лиц, которые могут пострадать в случае ненадлежащей реализации процессуальных прав, составляющих содержание диспозитивного начала судопроизводства [10, с. 46].

Злоупотребление процессуальным правом в гражданском процессе также может возникнуть в связи с недобросовестными действиями лиц, участвующих в деле, совершаемыми в суде первой инстанции, начиная с момента обращения истца в суд за защитой потенциально «нарушенного» или действительного права, а также с неосновательным возбуждением производств по проверке вынесенных судебных актов, в том числе уже вступивших в законную силу, что в свою очередь, противоречит принципу правовой определенности и влечет за собой уже более тяжкие последствия для добросовестной стороны.

Наделяя участников процесса различными правами, в том числе и корреспондирующими друг другу, закрепляя принципы диспозитивности, состязательности, равноправия и др. в гражданском процессе, законодатель исходит из императивного правила недопущения ограничения прав иных лиц. С учетом изложенного, представляется возможным определить злоупотребление процессуальными правами как *действия или бездействие участников процессуальных правоотношений, направленные на реализацию принадлежащих им процессуальных прав с целью причинить имущественный или нематериальный вред иным участникам процесса, воспрепятствовать реали-*

защиты процессуальной формы, либо деятельность, направленная на реализацию принадлежащих такому лицу прав в обход закона.

Е. В. Васьковский отмечал, что со времен римского частного процесса против злоупотребления процессуальными правами в различных правовых системах были испробованы на практике четыре меры:

1) предварительное удостоверение тяжущимся своей добросовестности посредством принесения присяги;

2) возложение судебных издержек на виновную в недобросовестном ведении дела сторону;

3) взыскание с нее убытков, причиненных противнику;

4) наложение на нее штрафа, заменяемого в случае несостоятельности, арестом [3, § 59].

Дореволюционная процессуальная мысль была воспринята в ГПК РСФСР 1923 года, ст. 6 которого предусматривала, что всякие злоупотребления и заявления, имеющие целью затянуть или затемнить процесс, немедленно пресекаются судом. Однако, кроме как в данной декларативной норме, механизмы запрещения злоупотребления процессуальными правами не были закреплены ни в ГПК РСФСР 1923 года, ни в ГПК РСФСР 1964 года.

Как известно, ст. 10 ГК РФ в качестве последствий установления злоупотребления правом в материальных правоотношениях предусматривает реализацию права суда на отказ в защите прав недобросовестного лица. Представляется правильным установить в качестве последствий процессуального злоупотребления также отказ суда в реализации прав такого участника производства. Гражданско-процессуальная форма в силу своих признаков нормативности, формальной определенности и системности регулирования предполагает соблюдение определенных правил и облачения деятельности субъектов правоотношений в рамках регламентированных законом процедур [8]. Так, активные действия в подавляющем большинстве случаев облачены в соответствующие ходатайства, заявления, жалобы и т. д., бездействие же не выражается в той или иной форме. Признав факт злоупотребления процессуальными правами, суд должен пресечь такую процессуальную деятельность, тем самым, отказав в реализации права недобросовестным путем. При этом необходимо учитывать, что в силу особой конституционной значимости государственных механизмов судебной защиты, суду следует отказывать в реализации права лишь после предупреждения лица об обнаружении в его действиях злоупотребления и вынесения соответствующего мотивированного определения.

Между тем, декларативного закрепления недопустимости злоупотребления процессуальными правами явно недостаточно, необходима реализация механизма защиты от злоупотребления. В АПК РФ такой механизм реализован в ст. 111, предусматривающей возможность отнесения судебных расходов на лицо, злоупотребляющее своими процессуальными правами. В отдельных видах производств ГПК РФ закрепляет специальные последствия недобросовестного использования процессуальных прав. Так, можно отметить положения ч. 2 ст. 284 ГПК РФ, закрепляющей механизм возложения судебных издержек на

действовавшего недобросовестно заявителя по делам об ограничении дееспособности гражданина или о признании гражданина недееспособным. Также в ч. 2 ст. 319 ГПК РФ содержится специальное правило, в соответствии с которым при заведомо ложном заявлении о восстановлении утраченного судебного производства судебные расходы, связанные с возбуждением дела, взыскиваются с заявителя. В качестве общего же правила в ст. 99 ГПК РФ содержится иное, позволяющее взыскать компенсацию за фактическую потерю времени с недобросовестной стороны. Указанная компенсация представляет собой **меру гражданской процессуальной ответственности стороны**, недобросовестно заявившей неосновательный иск или спор относительно иска либо систематически противодействовавшей правильному и своевременному рассмотрению и разрешению дела. Такая компенсация относится к **издержкам, связанным с рассмотрением дела**, то есть является одним из видов судебных расходов (ст. ст. 88, 94 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации). В том числе из-за столь сложного понимания правовой природы рассматриваемой компенсации практика применения положений ст. 99 ГПК РФ на сегодняшний день не сформировалась [12; 13; 21; 22; 31; 32; 33], т. к. не выработаны критерии определения систематического противодействия разрешения дела, а имеющиеся постановления о взыскании компенсации больше напоминают результат эксперимента, нежели акт единообразного правоприменения [34]. Ряд исследователей также указывают на неработоспособность рассматриваемой нормы [11, с. 42 – 44; 9, с. 80 – 87; 6, с. 134 – 141].

В абсолютном большинстве случаев суды исходят лишь из того, что стороне, в пользу которой состоялось решение суда, необходимо присуждать компенсацию понесенных судебных расходов, т. е., по сути, применяя положения ст. 98 ГПК РФ как общее правило [30]. Полагаем, конструкция ст. 111 АПК РФ, предусматривающей возможность отнесения судебных расходов на лицо, злоупотребляющее своими процессуальными правами, изначально намного более эффективна, нежели норма ст. 99 ГПК РФ. Практика применения соответствующего механизма арбитражными судами также показывает практическую значимость института перераспределения судебных расходов, что находит свое отражение, в том числе, и в руководящих разъяснениях Пленума и Президиума ВАС РФ [23; 24; 25].

С учетом изложенного, можно утверждать о неэффективности предусмотренных Гражданским процессуальным кодексом механизмов, полагаем целесообразным исключить из действующего ГПК РФ норму ст. 99, предусматривающей право присуждения компенсации за фактическую потерю времени, и внедрить положение, аналогичное предусмотренному в ст. 111 АПК РФ. Определение же действенных механизмов правового регулирования воспрепятствования злоупотреблению процессуальными правами приводит к необходимости анализа категории «фиктивный процесс».

«Фиктивный», или «симулятивный», гражданский процесс по своей сути является формой для злоупотребления данными в силу закона процессуальными

правами, лицами, участвующими в деле, судом, иными участниками процесса.

Проблема фиктивных процессов впервые была затронута в немецкой процессуальной доктрине в начале XX в. Г. Зинтенисом, авторству которого приписывается происхождение самого термина «симулятивный процесс».

Согласно определению, данному Г. Зинтенисом, под «симулятивным процессом» следует понимать судебный спор, в котором стороны на основании предварительной договоренности заявляют перед судом о наличии несуществующего спора для достижения своей, скрытой от суда, цели [1, с. 358]. Обращение с иском в суд для возбуждения «симулятивного процесса», по мнению немецких теоретиков, является одной из форм злоупотребления правом на иск, так как истец, заявляя, с согласия ответчика, о существовании нарушения его субъективных прав или законных интересов, в действительности не нуждается в оказании ему судебной защиты и, следовательно, подает безосновательный иск, злоупотребляя своим правом.

В литературе сегодня встречается различное понимание фиктивного гражданского процесса. Например, В. О. Аболонин отмечает, что о фиктивности гражданского процесса может свидетельствовать, в том числе, и сговор судьи с одной из сторон спора, при котором другая сторона участвует в «постановке процесса», итог которого predetermined, также, по его мнению, на фиктивность процесса может указывать и фактическое наличие готового текста постановления суда еще до удаления в совещательную комнату [2, с. 5 – 7]. С указанной позицией не представляется возможным согласиться, т. к. первая ситуация есть следствие коррупционной деятельности, и в силу преступного содержания, не может рассматриваться в целом как государственная судебная деятельность. Вторая же ситуация абсолютно оправданна практическим подходом и загруженностью судей в своей профессиональной деятельности. При этом уходить в крайность и подводить под процессуальную фикцию «неспособность» судьи услышать сторону, проанализировать закон и исследовать доказательств мы также не склонны в силу «человеческого фактора», а не дефекта судебной системы. Более того, наличие у судьи до момента рассмотрения дела некоего текста, в котором уже дана оценка имеющимся в деле материалам, свидетельствует о реализации стадии подготовки дела к судебному разбирательству или подготовительной части стадии пересмотра судебного постановления, если только этот текст не воспринимается как непререкаемая истина, не связанная с представляемыми в предстоящих заседаниях материалами.

Таким образом, представляется возможным определить фиктивный гражданский процесс как процесс, при котором дело изначально возбуждается без цели защиты нарушенных прав, либо в ходе которого лица, участвующие в деле, злоупотребляют своими процессуальными правами без достаточных на то оснований и такое злоупотребление причиняет вред как участвующим в деле лицам, так и иным лицам, а также государству как обеспечивающему функционирование

судебной системы образованию. Таким образом, в рамках фиктивного процесса допустимо как злоупотребление материальными, так и процессуальными правами отдельно или совместно.

Фиктивность гражданского процесса, по нашему мнению, может быть выражена как в действиях обеих сторон, так и посредством процессуальных действий одного лица, участвующего в деле: известный и распространенный механизм «Грин мейла», в частности, предполагает злоупотребление правом лишь истца, который направляет в суды множество надуманных исков, парализуя работу добросовестного ответчика.

На сегодняшний день в практике встречается немало примеров «симулятивных» процессов.

В частности, одной из их основных предпосылок являются корпоративные споры, где фиктивный процесс используется с целью узаконивания мнимых, притворных или иных незаконных сделок, при этом цели совершения данных сделок могут быть различными, например, вывод активов хозяйственного общества недобросовестным руководителем в ущерб собственнику и его участникам. Не менее популярным основанием «недобросовестного» иска является мнимый заем, данный вид сделок, как правило, используется для сокрытия денежных средств, при реальной возможности их взыскания с злоупотребляющей стороны. Фиктивность процесса существует в значительном количестве дел о несостоятельности, в рамках которых в реестр включаются требования кредиторов, основанные на так называемом «золотом парашюте», решениях третейских судов о взыскании вексельного долга и т. д.

Достаточно известными являются дела о расторжении брака, когда в суд с требованием о его расторжении и разделе совместной собственности, обращаются супруги в действительности преследующие цель сохранения этого имущества от кредиторов, которые требуют исполнения долговых обязательств одним из супругов. Таким образом, судебное производство по делу направлено не на исполнение положений закона и реализацию прав граждан, а на содействие недобросовестной стороне по делу.

Заинтересованность в данного рода судебных процессах связана со свойствами законной силы судебных актов, такими как обязательность для исполнения, особый порядок их отмены и необходимость соблюдения при этом установленных процессуальных сроков, что создает препятствия для дальнейшей защиты своих прав добросовестной стороной, практически лишает ее возможности изменить закрепленное постановлением суда положение [4, с. 129]. Таким образом, свойства судебного акта делают его удобным инструментом для придания видимой законности мнимым сделкам и прочим противоправным действиям [2, с. 6].

Убеждены, что при злоупотреблении процессуальными правами участники процесса нарушают не только частно-правовые интересы участвующих в деле лиц, но и публично-правовые интересы. Предусмотренные действующим цивилистическим процессуальным законодательством способы возложения неблагоприятных последствий на лицо, злоупотребляющее своими процессуальными правами, не на-

правлены на защиту публичных интересов. В связи с указанным, полагаем целесообразным установить особую публично-правовую ответственность за злоупотребление процессуальными правами в дополнение к механизмам, направленным на защиту частных интересов.

Процессуальному законодательству хорошо известна такая санкция имущественного характера как штраф, в частности, этой процессуальной мере посвящены глава 8 ГПК РФ, а также глава 11 АПК РФ. Институт судебных штрафов служит обеспечению выполнения задач судопроизводства в арбитражных судах, закрепленных в ст. 2 АПК РФ, и судах общей юрисдикции, закрепленных в ст. 2 ГПК РФ, и направлен на укрепление законности, предупреждение процессуальных правонарушений, а также на формирование уважительного отношения к государству, закону и суду.

Судебные штрафы налагаются судами общей юрисдикции или арбитражными судами только в случаях, предусмотренных гражданским процессуальным законодательством. В связи с чем представляется необходимым законодательно закрепить еще одно основание, по которому суды в случае установления злоупотребления процессуальным правом со стороны лиц, участвующих в деле, могли бы налагать на недобросовестного субъекта процессуальный штраф. В таком случае судебные штрафы смогут обеспечивать исполнение требований процессуального законодательства и служить мерой ответственности

не только за его нарушение, но и за злоупотребление процессуальными правами. При этом целесообразным видится объявление предупреждения злоупотребляющему лицу до вынесения определения о наложении процессуального штрафа для обеспечения реализации превентивной функции по обеспечению законности.

Определение размера штрафа за злоупотребление процессуальными правами является вопросом отдельного подробного исследования, однако стоит отметить, что сумма денежного взыскания должна быть единой и закреплена императивно, т. к. любое злоупотребление является следствием нарушения закона путем недобросовестных действий лиц, и практически невозможно определить степень тяжести того или иного злоупотребления. При таких обстоятельствах определять тяжесть незаконных действий исходя из наступивших последствий не логично, поскольку за последствия недобросовестное лицо будет отвечать посредством иных механизмов защиты нарушенных прав перед добросовестной стороной по делу.

Важной особенностью наложения штрафа за злоупотребление процессуальными правами должна быть обязательность установления самого факта злоупотребления, который выявляется как по инициативе суда, так и по соответствующему ходатайству других лиц, участвующих в деле. Однако мотивированность определения о назначении штрафа может быть основана лишь на четких критериях, определяемых процессуальным законом.

Литература

1. Sintenis. Der simulierte Prozess. ZJP. 30. – 1902.
2. Аболонин, В. О. Фиктивные судебные процессы - нерешенная проблема гражданского процессуального права / В. О. Аболонин // Российский судья. – 2011. – № 5.
3. Васьковский, Е. В. Учебник гражданского процесса / Е. В. Васьковский. – М., 1917.
4. Загайнова, С. К. Судебные акты в механизме реализации судебной власти в гражданском и арбитражном процессе / С. К. Загайнова. – М., 2007.
5. Конвенция о защите прав человека и основных свобод: заключена в г. Риме 04.11.1950 // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163.
6. Медведев, И. Р. Гражданская процессуальная ответственность: некоторые проблемы / И. Р. Медведев // Журнал российского права. – 2006. – № 7.
7. О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2012 года № 302-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 53 (ч. 1). – Ст. 7627.
8. Сахнова, Т. В. Курс гражданского процесса. Теоретические начала и основные институты / Т. В. Сахнова. – М., 2008.
9. Туманов, Д. А. Юридическое толкование и пробелы в гражданском процессуальном праве / Д. А. Туманов // Право и политика. – 2006. – № 6.
10. Юдин, А. В. Злоупотребление процессуальными правами при рассмотрении дел в арбитражных судах: проблемы теории и практики / А. В. Юдин // Вестник ВАС РФ. – 2007. – № 7.
11. Юдин, А. В. Предотвращение злоупотреблений процессуальными правами / А. В. Юдин // Законность. – 2009. – № 5.

Акты судебных органов

12. Апелляционное определение Московского городского суда от 30.10.2012 по делу № 11-6529. Документ опубликован не был. Доступ из компьютерной справочной правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 22.01.2013).
13. Апелляционное определение Московского городского суда от 30.10.2012 по делу № 11-25967. Документ опубликован не был. Доступ из компьютерной справочной правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 22.01.2013).

14. Дело «Баранцева (Barantseva) против Российской Федерации» (жалоба № 22721/04): Постановление ЕСПЧ от 04.03.2010 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2010. – № 7.
15. Дело «Ерогова (Yerogova) против Российской Федерации» (жалоба № 77478/01): Постановление ЕСПЧ от 19.06.2008 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2009. – № 11.
16. Дело «Коломиец и Коломиец (Kolomiyets) против Российской Федерации» (жалоба № 76835/01): Постановление ЕСПЧ от 22.02.2007 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2008. – № 8.
17. Дело «Кузнецова (Kuznetsova) против Российской Федерации» (жалоба № 67579/01): Постановление ЕСПЧ от 07.06.2007 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2008. – № 9.
18. Дело «Мальцева (Maltseva) против Российской Федерации» (жалоба № 76676/01): Постановление ЕСПЧ от 19.06.2008 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2009. – № 10.
19. Дело «Пищальников (Pishchalnikov) против Российской Федерации» (жалоба № 7025/04): Постановление ЕСПЧ от 24.09.2009 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2010. – № 1.
20. Дело «Токазов (Tokazov) против Российской Федерации» (жалоба № 19440/05): Постановление ЕСПЧ от 13.01.2011 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2011. – № 11.
21. Кассационное определение Верховного суда Республики Бурятия от 07.11.2011 по делу № 33-3378. Документ опубликован не был. Доступ из компьютерной справочной правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 22.01.2013).
22. Кассационное определение Суда Ненецкого автономного округа от 15.11.2011 по делу № 33-192/2011. Документ опубликован не был. Доступ из компьютерной справочной правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 22.01.2013).
23. О некоторых вопросах практики рассмотрения арбитражными судами споров о предоставлении информации участникам хозяйственных обществ: информационное письмо Президиума ВАС РФ от 18.01.2011 года № 144 // Вестник ВАС РФ. – 2011. – № 3.
24. О некоторых вопросах применения законодательства о залоге: Постановление Пленума ВАС РФ от 17.02.2011 года № 10 // Вестник ВАС РФ. – 2011. – № 4.
25. О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством: Постановление Пленума ВАС РФ от 12.07.2012 № 42. – Режим доступа: <http://arbitr.ru> (дата обращения: 22.01.2013).
26. О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством: Постановление Пленума ВАС РФ от 12.07.2012 года № 42 // Экономика и жизнь. – 2012. – № 34 (бухгалтерское приложение).
27. О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве: Постановление Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 // Вестник ВАС РФ. – 2012. – № 8.
28. О судебной практике по делам о наследовании: Постановление Пленума ВС РФ от 29.05.2012 № 9 // Бюллетень ВС РФ. – 2012. – № 127.
29. Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации: Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 25.11.2008 года № 127 // Вестник ВАС РФ. – 2009. – № 2.
30. Определение Верховного Суда РФ от 27.09.2011 года № 3-В11-35 // Документ опубликован не был. Доступ из компьютерной справочной правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 22.01.2013).
31. Определение Воронежского областного суда от 23.03.2010 по делу № 33-1539. Документ опубликован не был. Доступ из компьютерной справочной правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 22.01.2013).
32. Определение Свердловского областного суда от 10.04.2012 по делу № 33-3790/2012. Документ опубликован не был. Доступ из компьютерной справочной правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 22.01.2013).
33. Определение Свердловского областного суда от 21.07.2011 по делу № 33-10249/2011. Документ опубликован не был. Доступ из компьютерной справочной правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 22.01.2013).
34. Определение судебной коллегии по гражданским делам Свердловского областного суда по делу № 33-8989/2011 // Бюллетень судебной практики по гражданским делам Свердловского областного суда (второй квартал 2011 г.): утв. постановлением президиума Свердловского областного суда от 05.10.2011. Документ опубликован не был. Доступ из компьютерной справочной правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 22.01.2013).

Информация об авторах:

Трезубов Егор Сергеевич – ассистент кафедры трудового, экологического права и гражданского процесса юридического факультета КемГУ. +7-923-618-9815, trezubov@kemsu.ru.

Egor S. Trezubov – Assistant Lecturer at the Department of Labour and Environmental Law and Civil Procedure, Kemerovo State University.

Щеглова Наталья Сергеевна – студентка юридического факультета КемГУ, cheglova@kemcity.ru.

Natalya S. Shcheglova – student at the Faculty of Law, Kemerovo State University.